УДК 811.511.152

DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-2-207-215

Сложное синтаксическое целое с динамичным зачином, его разновидности и способы их вербализации в художественном тексте

Л. П. Водясова

*Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева,
г. Саранск, Российская Федерация,
LVodjasova@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье изложены результаты исследования сложного синтаксического целого (ССЦ) как основной единицы текста. Актуальность темы определяется тем, что ССЦ до настоящего времени недостаточно изучено в финно-угорском языкознании. Предметом исследования является один из его типов – ССЦ с динамичным зачином.

Цель: определение специфики и способов вербализации ССЦ с динамичным зачином в художественном тексте.

Материалы исследования: художественные тексты современных мордовских писателей.

Результаты и научная новизна. В результате проведённого исследования нами представлена классификация типов ССЦ, выделены ССЦ со статичными и динамичными зачинами. Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые представлен развёрнутый анализ ССЦ с динамичным зачином, определены его разновидности. Основное внимание уделяется описанию способов их вербализации. Отмечается, что авторы художественных текстов создают разнообразные типы ССЦ с динамичными зачинами, тему и структуру которых в большой степени определяет зачин, играющий роль организующего центра.

Ключевые слова: сложное синтаксическое целое, типология, зачин, динамичный, разновидность, вербализация.

Благодарности: статья подготовлена в рамках научных проектов по сетевому взаимодействию вузов-партнёров (Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет и Мордовский государственный педагогический институт) по теме «Вербализация лингвоэмоциональной картины мира в художественном тексте».

Для цитирования: Водясова Л. П. Сложное синтаксическое целое с динамичным зачином, его разновидности и способы вербализации в художественном тексте // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 2. С. 207–215.

A complex syntactic whole with a dynamic beginning, its varieties and ways of their verbalization in art texts

L. P. Vodyasova

*Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsevey,
Saransk, Russian Federation,
LVodjasova@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article presents the results of research of a complex syntactic whole (CSW) as a main unit of text. The relevance of the theme is determined by the fact, that a CSW is still insufficiently studied in Finno-Ugric linguistics. The subject of the research is one of its types – a CSW with a dynamic beginning.

Objective: to determine the specifics and ways of verbalization of a CSW with a dynamic beginning in an art text.

Research materials: the artistic texts of modern Mordovian writers.

Results and novelty of the research: as a result of the study we presented the classification of CSW types; identified a CSW with static and dynamic beginnings. The scientific novelty of the work is that for the first time it presents deployed analysis of a CSW with a dynamic beginning, and identifies its varieties. The main attention is paid to the description of ways of their verbalization. It is noted that the authors of artistic texts create different types of a CSW with dynamic beginnings. Their theme and structure determines a beginning playing a role of an organizing center.

Key words: complex syntactic whole, typology, beginning, dynamic, variety verbalization,

Acknowledgments: the article was prepared in the frameworks of scientific projects of partner universities in network interaction (South Ural State Humanitarian-Pedagogical University and Mordovian State Pedagogical Institute) on the topic «Verbalization of the linguo-emotional picture of the world in artistic text».

For citation: Vodyasova L. P. A complex syntactic whole with a dynamic beginning, its varieties and ways of their verbalization in art texts // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (2): 207–215.

Введение

Проблема текста относится к числу актуальнейших в современной лингвистике. Отечественные [7; 14; 20] и зарубежные [18; 19; 21] учёные неоднократно обращались к исследованию его единиц, категорий и механизмов образования.

Основной структурной единицей текста является сложное синтаксическое целое (ССЦ), к характерным признакам которого относятся семантическая слитность и грамматическая консолидация входящих в его состав предложений.

При исследовании ССЦ наиболее сложной является проблема его типологии. Учёные, базируясь на различных факторах, предпринимают немало попыток для определения и описания отдельных типов его построения.

И. А. Фигуровский классифицирует ССЦ (в его интерпретации, «соединение законченных предложений», «компонент») с позиций отдельного предложения: ССЦ им рассматривается как аналог простого или сложного предложения. Он с уверенностью утверждает, что между предложениями, составляющими «компонент», такие же отношения, какие имеются между членами простого или между частями сложного предложения, они могут быть однородными и неоднородными [16].

Г. Я. Солганик все ССЦ (у него «прозаические строфы») на первом этапе классификации делит на две группы – цепные строфы и параллельные строфы. На втором этапе он учитывает более частный признак – тип зачина, так как, по его мнению, именно зачин выступает главным организующим центром единства. Исходя из этого, исследователь выделяет семь типов ССЦ [14]. Однако, на наш взгляд, классификация Г. Я. Солганика не является последовательной. При её анализе обнаруживается, что исследователь на самом деле строит её, базируясь на разных критериях. В целом, он исходит из трёх признаков: 1) значения и композиционной роли в тексте; 2) наличия формальных признаков, главным из которых становится порядок слов в зачине; 3) способа выражения главного члена (цепные строфы с зачинами, выраженными именными предложениями).

Л. М. Лосева определяет типы ССЦ по их функции в письменной речи. Она выделяет три типа: 1) описательные; 2) повествовательные, 3) ССЦ типа рассуждения [10, 90–94].

Классификация Ф. Данеша создана на основе теории актуального членения предложения, с помощью которой можно рассмотреть ССЦ изнутри, выявить механизм соотнесённости предложений в нём [18, 125–141]. Исходя из этого, М. Я. Дымарский утверждает, что тема-рематическая структура ССЦ является ведущим признаком его структурной организации [7]. Мы не совсем согласны с этой точкой зрения, так как определение тематических последовательностей в реальных текстах часто затруднено из-за того, что критерии актуального членения не совсем чётки и однозначны. Так, если компонент ССЦ – сложное, в особенности многокомпонентное, предложение, его членение на тему и рему вызовет большие сложности в связи с тем, что в результате актуального членения каждой предикативной части предложения возникает многоступенчатое тема-рематическое построение с главными и второстепенными темами, а это, несомненно, мешает установлению определённых общих закономерностей. Есть также предложения, которые вообще не поддаются актуальному членению. Вместе с тем следует признать, что актуальное членение в его наиболее классических формах, безусловно, лучше всего объясняет способ построения связного текста.

В. П. Лунева классифицирует ССЦ по принципу автосемантии (самостоятельности) и синсемантии (несамостоятельности) находящихся в их составе предложений. Исходя из этого, она выделяет синсемантические ССЦ (все компоненты, кроме зачина, являются синсемантическими предложениями) и автосемантические ССЦ (все компоненты, включая зачин и комментирующую часть, являются автосемантическими предложениями) [11, 75–83].

Т. Ф. Глебская, Н. Е. Иванова в основу классификации ставят тип синтаксического отношения между компонентами единства. При выделении функционально-смысловых типов ССЦ они учитывают синтаксические отношения – перечислительные, противопоставительные, сопоставительные, присоединительные, следственные [5].

Финно-угорские лингвисты также неоднократно обращались к проблемам текста (см., например, работы М. Ю. Андугановой [1], Н. Н. Глухойвой [6], М. В. Кумаевой [9], Р. М. Потпот [12], В. Н. Соловар [13]), однако проблемы типологии текстовых единиц в какой-то мере нашли отражение только в работе удмуртоведа Г. А. Ушакова.

Он классифицирует ССЦ, базируясь на организующей роли зачина [15]. Как видим, он солидарен с позицией Г. Я. Солганика, однако развивает её и делает более последовательной.

Мы, используя технологию, предложенную Г. Я. Солгаником и развитую Г. А. Ушаковым, и свои собственные наблюдения, также строим классификацию ССЦ в мордовских языках, основываясь на роли зачина [2; 3; 4].

Зачин – это компонент ССЦ, обладающий самостоятельностью в структурном и смысловом отношении. Обычно он состоит из одного (первого) предложения, редко может состоять из двух и более предложений или же являться предикативной частью сложного предложения. Благодаря зачину, определяется степень интенсивности протекания описываемого автором действия, процесса и явления, поэтому он является средством введения новой мысли или поворота в её развитии и, соответственно, становится главным способом организации синтаксического целого. С нашей точки зрения, если брать за основу его организующую роль, получается достаточно строгая и стройная классификация типов ССЦ. На первом этапе, учитывая степень интенсивности протекания описываемого действия, процесса и явления, мы (вслед за Г. Я. Солгаником и Г. А. Ушаковым) выделяем два основных типа – 1) ССЦ со статичным зачином и 2) ССЦ с динамичным зачином. Исходя из того, что каждый из этих типов имеет свою специфику, на втором этапе классификации мы выявляем их разновидности.

Материалы и методы

Материалом для изучения послужили художественные произведения мордовских писателей: М. Брыжинский, Т. Разгуляева, А. Каторкин и др. Общий корпус выделенных нами для анализа языковых единиц составил более 2000 текстовых фрагментов. В статью введены те из них, которые наиболее ярко демонстрируют описываемый факт.

При проведении исследования метод структурно-семантического описания стал основным. Он применяется для непосредственного наблюдения над ССЦ с динамичным зачином, выявления способов его вербализации. При определении разновидностей ССЦ с динамичным зачином использованы также оппозитивный анализ и метод моделирования.

Результаты

В одной из своих работ Н. М. Шанский отмечает, что художественный текст «представляет собой информацию», преследующую «опреде-

лённые практические цели» [17, 5]. Сообщая что-либо читателю, писатель, так или иначе, воздействует на его мысли и эмоции, и сила этого воздействия зависит от уровня художественности текста, его изобразительно-выразительной фактуры.

Художественная ткань произведений мордовских писателей обильно насыщена сложными синтаксическими целыми с динамичным зачином. Их отличительной чертой является энергичность, синтаксическая открытость. «Лапидарно называя действие, событие» [14, 102], они требуют развития, распространения. Проанализировав более 2000 текстовых фрагментов, мы выделили следующие разновидности ССЦ динамичным зачином:

1. **ССЦ с зачином, имеющим прямой порядок слов и начинающимся с подлежащего.** Частое употребление писателями ССЦ с зачинами этого типа объясняется, прежде всего, соответствием их структуры задачам, характеру высказывания. Построенное по схеме **П–С–Д (О)** «подлежащее – сказуемое – дополнение (обстоятельство)» предложение имеет широкие возможности предельно лаконично выразить смысл сообщения (субъект – действие – объект). Подлежащее (одиночное или с распространителями), морфологически выраженное именем существительным, выступает как уже известное, но о котором узнаётся нечто новое: *Цёратне ёртнизь лангстост верьгизэнь кедень оришамост...* (М. Брыжинский) 'Мужчины побросали с себя одежду из волчьих шкур ...'; *Сеель ашти ськамонзо. Перьканзо сэтме...* (Т. Раптанов) 'Сеель (прозвище, букв.: Ёж) сидит в одиночестве. Вокруг [него] тишина...'; *Чилисемась кирвазсь якстересэ. Ды моданть лангс валовсь чипаенть сырнень валдозо* (Т. Разгуляева) 'Восток заиграл (букв.: зажёгся) красным. И землю облил золотой свет солнца'. Есть ССЦ, в которых данный порядок немного нарушается, и предложение-зачин строится писателем по схеме **П–Д (О)–С** «подлежащее – дополнение (обстоятельство) – сказуемое». Это происходит в тех случаях, когда на второстепенный член падает логическое ударение, он становится средством выражения тема-рематического членения предложения. Руководствуясь своей целеустановкой, писатель с помощью порядка слов выделяет коммуникативно-значимые части в содержании зачина. Так, в предложении: *Пётр Егорович чачома кудонзо. ютызе ве ёнга...* (А. Щеглов) 'Пётр Егорович родной дом миновал (букв.: прошёл) стороной...' – подчёркивается информативная ценность распространённого

дополнения *чачома кудонзо* ‘родной дом’. В зачине: *Виртян эрзасто совась кудос* ... ‘Виртян быстро вошёл в дом ...’ (М. Брыжинский) – для автора важно показать, что герой произведения (Виртян) не просто вошёл в дом, но сделал это *эрзасто* ‘быстро, энергично’. В зачине: *Эрзятне Нал велесэяк тикциенть, васня ледить, мейле пурныть вейсэ*... (А. Куторкин) ‘Эрзяне и в селе Нал траву вначале косят, потом собирают вместе...’ – внимание акцентируется на названии села, в котором происходит действие, сообщается, чем и в какой последовательности занимаются его жители в данный момент.

2. ССЦ с зачином, начинающимся со сказуемого.

А. С глагольного сказуемого. Зачины, начинающиеся с глагольного сказуемого, обычно встречаются в начале повествования или в какой-нибудь его более или менее самостоятельной части. Они изображают общий фон, на котором разворачиваются дальнейшие события. Индикатив – основная форма выражения такого сказуемого: *Лавиомсть атянтъ кедензэ, ёмась пильгстэнзэ икелень бойкачись* ... (М. Брыжинский) ‘Ослабли у старика руки, пропала из ног бывшая бойкость ...’; *Кавтолдсь эрзянь чирязось, эзь сода, мезе теемс, кода улемс. Арсесь яла арсеманзо*... (М. Брыжинский) ‘Сомневался эрзянский князь, не знал, что делать, как быть. Думал всё думу [свою]’». В роли препозитивных глагольных сказуемых писатели нередко используют глаголы с семантикой бытия, становления, протекания действия: *Ютасть сисем иеть* (Т. Разгуляева) ‘Прошло семь лет’; *Ютасть уш зярыя чить*... (Д. Косолапова) ‘Прошло уже несколько дней...’; *Ушодовсь кизень седеентъ – июлентъ – омбоце пельксэзэ* (А. Щеглов) ‘Началась у сердца лета – июля – вторая половина’; *Кунсолынь седеем чавоманзо*... (А. Артемьева) ‘Слушала биение [своего] сердца’; *Эритъ Петра Луша марто коллективсэ*... (Ф. Чесноков) ‘Живут Пётр с Лушей в коллективе...’ и т. п. Семантика таких глаголов-сказуемых в зачинах ослаблена. Они играют вспомогательную роль, вводя знаменательное имя существительное. Редко, но препозитивное глагольное сказуемое в зачине может быть выражено и глаголом в форме императива, после которого обычно следует обращение (часто к неодушевлённому предмету). Этот приём служит средством создания особой эмоциональности текста: *Ардт, ардт, чары лангсо кудыне* ... (Л. Дергачёва) ‘Езжай, езжай, домик на колёсах...’; *Лажнодо, ки чиресэ поить*... (А. Мартынов) ‘Шумите, придорожные осины...’.

ССЦ с зачином, начинающимся со сказуемого, могут служить средством перехода к новым вехам повествования, обозначать их начало: *Панжовсь Волховонть крута чирезэ. Лангсонзо ловось солась*... (А. Доронин) ‘Открылся крутой берег Волхова. С него снег сошёл...’; *Совась Олда. Мольсь видьстэ Рамко ваксс*... (А. Куторкин) ‘Зашла Олда (Евдокия). Подошла сразу к Рамко (Роману)...’.

Б. С именной части неглагольного сказуемого. Неглагольное сказуемое, как известно, является неморфологизированным, поэтому в своей семантике содержит дополнительные смы, обусловленные морфологическим характером именных частей речи. Его инверсия служит средством семантического выделения, энергичного начала высказывания, поэтому этот приём мордовскими писателями обычно используется в зачинах ССЦ, представляющих собой описания, создаваемые для поднятия тональности произведения, его динамичности, эмоциональности. Они рассказывают о состоянии человека: *Пароль ёжозо Виртяноньгак*... (М. Брыжинский) ‘Хорошим было состояние и у Виртяна...’; *Сюнав Чемай. Ламо эрва кодамо ули-пародо нешксе утомозо*... (М. Брыжинский) ‘Богат Чемай. Разным добром наполнен [его] амбар...’; *Кеме ещё Стёпа. Кинакс таргавсть санонзо*... (Ф. Чесноков) ‘Крепок ещё Стёпа. Ремнём тянутся [его] жилы...’ или окружающей среды: *Сюнав Россиясь, ды ломанензэ эрять вандынь чинтень апак кеме*... (А. Доронин) ‘Богата Россия, да люди [её] живут, не веря в завтрашний день...’, а также характеризуют явления общественной жизни: *Стакаль иесь. Гражданской войнань фронттнэ ансяк прядовсть*... (Ф. Чесноков) ‘Тяжёлым был год. Фронты Гражданской войны только закончились...’.

3. ССЦ с объектным зачином. В ССЦ такого типа объект обозначается дополнением, выраженным именем существительным в форме косвенного падежа. Основным средством оформления становится порядок слов. Он представлен в виде схемы Д–С–П (дополнение – сказуемое – подлежащее). Построенные по такой схеме зачины оказываются приспособленными для сообщения информации с чётко обозначенной темой. Объект может быть прямым: *Московонть пиризь ниле ёндо. Стрелецтнэнень мерезель аволь ансяк ломань а нолдамс, ве нармуньгак – а ошов, а тосто илязо ливтя* (К. Доронин) ‘Москву загордили с четырёх сторон. Стрельцам было велено не только людей не выпускать, ни одна птица – ни в город, ни оттуда не должна пролететь’ или

косвенным: *Лиянанень, мерят, эзь токаяк пай-стомочись ды майсематне – истя паролгадсь ды мазылгадсь...* (М. Брыжинский) ‘Лияне будто и не достались сиротство и страдания – такой хорошей и красивой стала...’. Дополнение чаще делается распространённым. Это позволяет писателю точнее, при этом ещё и эмоционально, передать свою мысль, повысить накал произведения: *Сехте питнеекс весе ули-паростонзо лови Чемай сиянь дирхемде пейксе сёвонень чакитнень...* (М. Брыжинский) ‘Самым дорогим из всего [своего] добра Чемай считает наполненные серебряными дирхемами глиняные горшки...’; *Ютазь шикавтомо а эрси сы шка ...* (Т. Разгуляева) ‘Без прошлого (букв.: прошлого времени) не бывает будущего (букв.: будущего времени) ...’.

4. ССЦ с обстоятельственными зачинами.

4А. С обстоятельством места. Положение обстоятельств места в начале предложения в зачинах этого типа не имеет характера инверсии, их препозиция является обычной. Они часто являются детерминантами, поэтому охарактеризуются относительной независимостью функционирования в составе предложения, недифференцированной прикреплённостью к другим членам предложения.

Значение зачина создаётся семантикой второстепенного члена, предполагающей указание на собственно место, где происходит действие: *Эрямосонтъ весемесь полавтневи. Телесь – тундосо, якшамось – лембесэ...* (Т. Разгуляева) ‘В жизни всё меняется. Зиму сменяет весна, холод – тепло...’; *Нал велесэ кудотне чавот вейкенъ пес. Ломантне пивсыть розь* (А. Куторкин) ‘В селе Нал дома все пусты. Люди жнут рожь’, направление движения: *Леентъ тона ёндо яла седе сеедьстэ пачтясть: татартинэ пурныть вий Аргалеентъ малас...* (М. Брыжинский) ‘С той стороны реки всё чаще сообщали: татары собирают силы вблизи Аргалея...’, направление движения (исходный и конечный пункты): *Баевасто Ратор ошонть трокс Алтыш велев комськавказо вайгельбетъ...* (К. Абрамов) ‘Из Баева через город Алатырь в село Алтыш двадцать восемь километров...’ или путь движения: *Вирентъ нучк пандонтъ прямо ацавь велентень ки...* (Т. Раптанов) ‘Сквозь лес с горы раскинулась к селу дорога...’. В ряде случаев авторы строят зачин с использованием нескольких обстоятельств места, которые, следуя друг за другом, уточняют положение предметов: *Ушосо, куника вальмаст ало, таишто скамика лангсо, стенас кутьмерензэ нежедезь аитесь Валдаень ... Кандра...* (А. Куторкин) ‘На улице, под средним окном,

на старой скамейке, уперев спину в стену, сидел Валдаев ... Кандра (Кондратий)’. Отметим и такой факт: зачины с обстоятельствами места могут представлять из себя эллиптические предложения, неполнота структуры которых, обусловленная экономией языковых средств, характеризует экспрессивность конструкции, актуализирует семантику второстепенного члена: *Лей лангсонть а куш а каш. А кемевияк...* (М. Брыжинский) ‘На реке ни звука. И не верится...’.

4Б. С обстоятельством времени. Положение обстоятельства времени в начале предложения автору служит средством оформления зачина. После обстоятельства обычно следуют подлежащее, сказуемое. И это объяснимо, так как в семантике любого обстоятельства времени заложено значение начала (с определения времени свершения действия, как правило, начинается сообщение о любом факте, событии, явлении). Именно такая структура предложения и в сознании автора, и в сознании читателя ассоциируется с началом повествования.

ССЦ этого типа имеют спокойный характер. Они свойственны подробному, детальному рассказу. Обозначение времени может быть вне определённого предела: *Вестъ Игнат Петрович совась правленияв...* (В. Алтышкин) ‘Однажды Игнат Петрович зашёл в правление ...’; *Умок уш прядовсть паксянь весе роботатне...* (А. Мартынов) ‘Давно уже закончились все полевые работы...’ или же определённого (исходный и конечный временной момент): *Видематнень прядомадо мейле ушмось таго кармась анокстамо тюремас...* ‘После окончания сева войско снова стало готовиться к войне...’ (М. Брыжинский); *Кизэнь перть Виртян ушмонсо марто тюрсь монголтинэнь каршо...* (М. Брыжинский) ‘Все лето Виртян со [своими] воинами боролся против монголов...’. Часто при обстоятельствах времени, выраженных полнозначительными словами, авторы используют семантические конкретизаторы, ограничивающие признак во времени: *Те шикастонть бояронть кедьсэ ульнесь ... Кальдеримов...* (А. Щеглов) ‘В это время у барина был ... Кальдеримов...’; *Августонь меельце читнестэ Петя кармась пурнамо ошов...* (К. Абрамов) ‘В последние дни августа Петя начал собираться в город...’. С целью конкретизации временного фактора при обстоятельстве может присутствовать уточняющее слово, при котором объём временного понятия сужается указанием на его часть: *Талай чокине, пелевентъ малав,* кудыкелькс кенкиентень таго-кие вачкодсь (К. Абрамов) ‘Поздно вечером, ближе к полуночи, в дверь

сений кто-то постучался'. В начале зачина может присутствовать обстоятельство времени, обозначающее, по мысли Г. А. Золотовой, «периодичность или постепенность изменений в субъекте» [8, 285]: *Эрва валске, ашолгадамодо икеле, Мокей атя лисни эсензэ садов...* (С. Платонов) 'Каждое утро, до рассвета, дед Мокей выходит в свой сад...' или характер ситуации (состояние окружающей среды, природы): *Ашолгадозь велиненть вейке улыязо апак учо пешкедсь солдатто...* (К. Абрамов) 'На рассвете (букв.: белея) одна из улиц села неожиданно заполнилась солдатами...'

Зачины с обстоятельствами времени точно так же, как и зачины с обстоятельствами места, могут являться эллиптическими предложениями, актуализирующими семантику второстепенного члена: *Течи Покичи – Покров* (И. Карпов) 'Сегодня праздник – Покров'.

Для сообщения о том или ином событии важно указание на его время и место, поэтому часто в зачине после обстоятельства времени следует обстоятельство места. Вместе они создают блок, обозначающий позицию темы. Иными словами, в ССЦ уже в начале появляется указание не только на временной план, но и на пространственный: *Кизэнь маней чистэ умарь пиренть янтнэнь ланга кирнявтнесть оязкеть. Прок вишикине моцкеть кеверсть...* (Т. Разгуляева) 'Ясным летним днём на дорожках сада прыгали воробьи. Словно маленькие кудельки катились...'; *Обедстэ чокинес Аргалеенть трокс ютавсь монголтнэнь весе ушмост...* (М. Брыжинский) 'С обеда и до вечера через Аргалей прошло всё войско монголов...'

4В. С обстоятельством образа действия. Вынесение в начало зачина обстоятельства образа действия носит инверсионный характер. Необычность порядка слов писатели используют с целью привлечения внимания читателя. Основным средством выражения обстоятельств образа действия становятся, прежде всего, качественные наречия. Они обозначают качество действия, состояния или признака: *Виевстэ ды каиштансто кандтни ... рунгонзо смел Иван Андреевич Сусаров...* (А. Куторкин) 'Сильно и гордо носит своё ... тело смелый Иван Андреевич Сусаров...', степень их проявления: *Стакасто уктазь, Сеель арсесь седе, мезес бажии эрва од ломанень седе-сь* (Т. Раптанов) 'Тяжело вздохнув, Сеель (прозвище, букв.: Ёж) думал о том, к чему стремится сердце каждого молодого человека' или дают характеристику действия с указанием, как оно совершается, как достигнут результат: *Мазыйстэ, мазыйстэ тундонь чись сась...* (И. Кривошеев)

'Красиво, красиво весенний день пришёл...'. Наречие *таго* 'снова', 'опять' (самостоятельно или в сочетании с союзом *ды* 'и') является маркером невербализованного смысла. Оно указывает, что аналогичные действия имели место в прошлом и снова повторяются: *Таго ютасть колмо-ниле чить ...* (М. Брыжинский) 'Снова прошло три-четыре дня ...'; *Ды таго сась Пазонь сюдовт ишка...* (Э. Вежай) 'И снова настало Богом проклятое время...'. Особо выделяются обстоятельства, которые характеризуют действие с точки зрения его неожиданности: *Друк стась таркастонзо Вармалонь ... Терё...* (А. Куторкин) 'Вдруг встал со своего места ... Терё (Терентий) Вармалов...' или последовательности протекания во времени: *Апак учо Поки кудонтэ ёндо сыцят...* (М. Брыжинский) 'Неожиданно со стороны Большого дома идущие...'

Способ совершения действия автором может определяться посредством сравнения, уподобления, которые особенно ярко показывают связи и отношения между предметами и явлениями объективной действительности. Для передачи этих значений писателями используются имена существительные в форме транслатива: *Коткудавкс кашкасть Танянь прясо арсематне...* (К. Абрамов) 'Муравьями шевелились мысли в голове у Тани...', конструкции с послелогом *ладсо* «словно», «как», подчиняющиеся сказуемому, выраженному глаголом со значением физического состояния: *Вишка эйкакш ладсо мадинь пиже луганть лангс. Ванан менелентень...* (А. Калинкина) 'Словно маленький ребёнок легла на зелёный луг. Смотрю в небо...'. В начале зачина может стоять сравнительный оборот, образованный с помощью частицы *прок* 'словно'.

Отметим, что использование сравнений в начале зачина выполняет компрессивную функцию, что способствует экономии языковых средств. Это помогает авторам ёмко, кратко, но в то же время максимально выразительно передать различные свойства, качества предмета. Как совершенно справедливо указывает В. Н. Соловар [13, 287], в качестве предмета сравнения могут выступать живое существо (человек или животное): *Гуляция цёра прок вармась, тейтерь-аватнень ве ишкато ды вейкест пес кутморямсто, кармась пеензэ пачк музгордеме...* (А. Куторкин) 'Будто гулёна-парень, ветер, всех женщин до единой одновременно обнимая, начал сквозь зубы ворчать...', предмет: *Ашо паця прок теевсь аванть чамазо...* (А. Аверкина) 'Словно белый платок сделалось лицо женщины', природа: *Чадыведь ладсо кепететьсь революциясь ...* (Ф. Чесноков)

‘Словно половодье началась (букв.: поднялась) революция...’.

4Г. С обстоятельством причины. Употребление в начале зачина обстоятельства этого разряда носит инверсионный характер и служит автору средством его семантического выделения. Автор уже в начале повествования указывает на причину возникновения действия или признака: *Апелемачинзэ ды виензэ кисэ саузе [Виртянонь] Пуреш эсензэ ушмос. Нама, а сеске...* (М. Брыжинский) ‘За бесстрашие и силу взял [Виртяна] Пуреш в свое войско. Конечно, не сразу...’; *Ацирьгадоманть эйтэ Яхим те вестэнт кувать эзэ матедеве...* (В. Коломасов) ‘От раздражения Яхим (Ефим) в эту ночь долго не мог заснуть...’; обосновывает действие или состояние: *Лавгиновонь кувалт весе велесэ турнавсь промсков...* (В. Коломасов) ‘Из-за Лавгинова всё село пришло на собрание...’; мотивирует совершение действия: *Виртянононь мереманзо коряс прявтнэ явсть эсэ каност эйтэ ломанть...* (М. Брыжинский) ‘По приказу Виртяна главы выделили из своих родов людей...’.

4Д. С обстоятельством меры и степени. Как и в предыдущих случаях, употребление обстоятельства меры и степени в начале зачина имеет инверсионный характер. Оно служит автору средством семантического выделения второстепенного члена, обозначая его различные количественные характеристики. Обстоятельство может обозначать меру времени: *Кавто иеть мезеяк эзэ марсее монголтнэде. Сынть тусть васов чителев...* (К. Абрамов) ‘Два года ничего не было слышно о монголах. Они ушли далеко на юг...’; *Ковика ютась седе мейле, кода Виртян ульнесь кудосо...* (М. Брыжинский) ‘С месяц прошло с того времени, когда Виртян был дома...’ или количества: *Зярыяксть Парадеево ды шабрань ля велетнень эрициятне кайсевсть Белякова ды Иванов помещиктнень именияст лангс ...* (А. Щеглов) ‘Несколько раз жители села Парадеево и других соседних сел бросались на имения помещиков Беляковой и Иванова...’.

4Е. С обстоятельством цели. ССЦ с препозитивным обстоятельством цели единичны, так как обстоятельства этого разряда в мордовских языках чаще постпозитивны (стоят после ска-

зуемого). В начале зачина может выступать инфинитив, сочетающийся с глаголами движения и обозначающий цель того или иного действия: *Варишамо кучозельть колмосядт ластеть...* (М. Брыжинский) ‘На разведку (букв.: посмотреть) было послано триста седоков...’.

4Ж. С обстоятельством уступки. ССЦ этого типа писателями создаются редко. Уступка в зачине возможна только с противительным оттенком. В функции обстоятельства, обозначающего факт, вопреки которому совершается действие (своеобразное препятствующее условие), употребляется деепричастный оборот (отрицательное деепричастие *апак вано* «несмотря» с зависимыми словами): *Покиш пекенть лангс апак вано, Марюша эрва чистэ паксясь...* (К. Абрамов) ‘Несмотря на большой живот, Марюша каждый день [была] в поле...’; *Пелеветь ушосто самонть лангс апак вано, Колянь пувтызь валске ланга...* (В. Картышкин) ‘Несмотря на полуночный приход с улицы, Колю разбудили на рассвете...’.

Обсуждение и заключение

В художественных текстах мордовских писателей представлены разнообразные типы ССЦ с динамичными зачинами, тему и структуру которых в большой степени характеризует зачин, выполняющий роль организующего центра и служащий средством введения новой мысли или поворота в её развитии. Вариантность ССЦ с динамичными зачинами определяется наличием формальных признаков, главным из которых становится порядок слов в зачине. Исходя из этого, выделяются: 1) ССЦ с зачином, имеющим прямой порядок слов и начинающимся с подлежащего; 2) ССЦ с зачином, начинающимся со сказуемого (глагольного или неглагольного); 3) ССЦ с объектным зачином; 4) ССЦ с обстоятельственными зачинами (в зависимости от разряда этого второстепенного члена создаются ССЦ, начинающиеся с обстоятельства: а) места; б) времени; в) образа действия; г) меры и степени и пр.). Построение того или иного единства зависит от коммуникативных намерений писателя и диктуется задачами речетворчества.

Список источников и литературы

1. Андуганова М. Ю. Базисные характеристики финно-угорских религиозных сакральных текстов // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2013. № 2. С. 76–79.
2. Водясова Л. П. Частица как средство связи компонентов сложного синтаксического целого в мордовских языках // Гуманитарные науки и образование. 2011. № 3 (7). С. 70–73.

3. Водясова Л. П. Структурные типы сложных синтаксических целых в прозе Народного писателя Мордовии К. Г. Абрамова // *Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: материалы научно-практической конференции*. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2015. С. 14–24.
4. Водясова Л. П. Структурная соотнесённость и средства выражения цепной связи в сложном синтаксическом целом (на материале произведений К. Г. Абрамова) // *Финно-угорский мир*. 2019. Т. 11. № 3. С. 255–267.
5. Глебская Т. Ф., Иванова Н. Е. Функционально-смысловые типы сложных синтаксических целых в современной публицистике (на материале «Российской газеты» за 2015 год) // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2016. № 7 (172). С. 119–123.
6. Глухова Н. Н. Синтаксические стилистические средства в марийских заговорах // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 6–1 (48). С. 50–53.
7. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). М.: URSS, 2007. 296 с.
8. Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: URSS, 2006. 440 с.
9. Кумаева М. В. Типы повторов в текстах мансийского детского фольклора // *Современные исследования социальных проблем*. 2012. № 12. С. 72.
10. Лосева Л. М. Основные функциональные типы сложных синтаксических целых // *Русский язык в школе*. 1977. № 1. С. 90–94.
11. Лунева В. П. О типологии сложного синтаксического целого // *Вопросы синтаксиса и стилистики русского языка*. Ульяновск: [б. и.], 1976. Вып. 2. С. 75–83.
12. Потпот Р. М. Репрезентация концепта хот 'дом' в текстах личных песен хантов // *Вестник угроведения*. 2016. № 4 (27). С. 52–57.
13. Соловар В. Н. Способы выражения сравнения в обско-угорских языках // *Вестник угроведения*. 2019. Т. 9. № 2. С. 286–296.
14. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. М.: Высш. шк., 1973. 216 с.
15. Ушаков Г. А. Научные основы методики развития связной речи учащихся при изучении морфологии удмуртского языка: дис. ... д. филол. наук. М., 1991. 439 с.
16. Фигуровский И. А. Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. М.: Учпедгиз, 1961. 171 с.
17. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М.: Едиториал УРСС, 2007. 304 с.
18. Daneš F. Typy tematických posloupností v textu (na materiale českého textu odborného) // *SaS*. 1968. 29/2. Pp. 125–141.
19. Daneš F. Functional Sentence Perspective and the Organization of the Text // *Papers on functional sentence perspective*. Praga: Academia; Peris: Mouton, 1974. Pp. 106–128.
20. Emelyanov G. M., Mikhailov D. V., Zaitseva E. I. Recognition of superphrase unities in texts while establishing their semantic equivalence // *Pattern Recognition and Image Analysis (Advances in Mathematical Theory and Applications)*. 2003. T. 13. № 3. Pp. 447–451.
21. Rifatterre M. La Production du Texte. Paris: Seuil, 1979. 251 p.

References

1. Anduganova M. Yu. *Bazisnye harakteristiki finno-ugorskih religioznych sakral'nyh tekstov* [Basic features of sacred Finno-Ugric religious texts]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2013, no. 2, pp. 76–79. (In Russian)
2. Vodyasova L. P. *Chastica kak sredstvo svyazi komponentov slozhnogo sintaksicheskogo celogo v mordovskih yazykah* [A particle as a mean of connection of components of a complex syntactic whole in the Mordovian languages]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [Humanities and Education], 2011, no. 3 (7), pp. 70–73. (In Russian)
3. Vodyasova L. P. *Strukturnye tipy slozhnykh sintaksicheskikh celykh v proze Narodnogo pisatelya Mordovii K. G. Abramova* [Structural types of a complex syntax whole in the prose of the People's Writer of Mordovia K. G. Abramov]. *Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: tradicii i innovacii: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii* [Indigenous people of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations: materials of the scientific and practical conference]. Khanty-Mansiysk: Pechatnyy mir Khanty-Mansiysk Publ., 2015. pp. 14–24. (In Russian)
4. Vodyasova L. P. *Strukturnaya sootnesennost' i sredstva vyrazheniya cepnoy svyazi v slozhnom sintaksicheskom celom (na materiale proizvedenij K. G. Abramova)* [Structural correlation and means of expression of chain connection in a complex syntactic whole (based on the works by K. G. Abramov)]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2019, no. 11 (3), pp. 255–267. (In Russian)

5. Glebskaya T. F., Ivanova N. E. *Funkcional'no-smyslovye tipy slozhnykh sintaksicheskikh celykh v sovremennoy publicistike (na materiale «Rossijskoj gazety» za 2015 god)* [Functional-semantic types of a complex syntactic whole in modern social and political journalism (on the material of the Rossiyskaya Gazeta of 2015)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2016, no. 7 (172), pp. 119–123. (In Russian)
6. Glukhova N. N. *Sintaksicheskie stilisticheskie sredstva v marijskikh zagovorakh* [Syntactic stylistic means in Mari spells]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2015, no. 6–1 (48), pp. 50–53. (In Russian)
7. Dymarskiy M. Ya. *Problemy tekstoobrazovaniya i hudozhestvennyy tekst (na materiale russkoj prozy XIX–XX vv.)* [Text building problems and artistic text (on the material of Russian prose of the XIX–XX centuries)]. Moscow: URSS Publ., 2007. 296 p. (In Russian)
8. Zolotova G. A. *Sintaksicheskij slovar'. Repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa* [Syntactic Dictionary. Repertoire of elementary units of Russian syntax]. Moscow: URSS Publ., 2006. 440 p. (In Russian)
9. Kumaeva M. V. *Tipy povtorov v tekstah mansijskogo detskogo fol'klora* [Types of repetitions in texts of Mansi children's folklore]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern research of social problems], 2012, no. 12, p. 72. (In Russian)
10. Loseva L. M. *Osnovnye funkcional'nye tipy slozhnykh sintaksicheskikh celykh* [Main functional types of a complex syntax whole]. *Russkij yazyk v shkole* [Russian language at school], 1977, no. 1, pp. 90–94. (In Russian)
11. Luneva V. P. *O tipologii slozhnogo sintaksicheskogo celogo* [About the typology of a complex syntax whole]. *Voprosy sintaksisa i stilistiki russkogo yazyka* [Issues of Syntax and Stylistics of the Russian language]. Ulyanovsk: [w/p], 1976. Iss. 2. pp. 75–83. (In Russian)
12. Potpot R. M. *Reprezentaciya koncepta hot 'dom' v tekstah lichnykh pesen hantov* [Representation of the concept *hot* «house» in the texts of personal songs of the Khanty]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 4 (27), pp. 52–57. (In Russian)
13. Solovar V. N. *Sposoby vyrazheniya sravneniya v obsko-ugorskih yazykakh* [Ways of expression of simile in the Ob-Ugric languages]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (2), pp. 286–296. (In Russian)
14. Solganik G. Ya. *Sintaksicheskaya stilistika* [Syntax stylistics]. Moscow: Vyssh. shk. Publ., 1973. 216 p. (In Russian)
15. Ushakov G. A. *Nauchnye osnovy metodiki razvitiya svyaznoj rechi uchashchihsya pri izuchenii morfologii udmurtskogo yazyka* [Scientific basis of the method of development of coherent speech of students during study of morphology of the Udmurt language]. Moscow, 1991. 439 p. (In Russian)
16. Figurovskiy I. A. *Sintaksis celogo teksta i uchenicheskie pis'mennyye raboty* [Syntax of a whole text and the student's written works]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1961. 171 p. (In Russian)
17. Shanskiy N. M. *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Lexicology of the modern Russian language]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2007. 304 p. (In Russian)
18. Daneš F. *Typy tematickeych posloupnosti v textu (na materiale ceskehu textu odborného)* [Types of thematic sequences in the text (on the material of the Czech vocational texts)]. *SaŠ*, 1968, no. 29/2, pp. 125–141. (In Czech)
19. Daneš F. *Functional Sentence Perspective and the Organization of the Text. Papers on functional sentence perspective*. Praga: Academia; Peris: Mouton, 1974. pp. 106–128. (In English)
20. Emelyanov G. M., Mikhailov D. V., Zaitseva E. I. Recognition of superphrase unities in texts while establishing their semantic equivalence. *Pattern Recognition and Image Analysis (Advances in Mathematical Theory and Applications)*, 2003, no. 13 (3), pp. 447–451. (In English)
21. Rifatterre M. *La Production du Texte*. Paris: Seuil, 1979. 251 p. (In French)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Водясова Любовь Петровна, профессор кафедры родного языка и литературы ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» (430007, Россия, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11 А), доктор филологических наук, профессор.

LVodjasova@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0001-6767-6337

ABOUT THE AUTHOR

Vodyasova Lyubov Petrovna, Professor of Department of the Native Language and Literature, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsejev (430007, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Studencheskaya st., 11A), Doctor of Philological Sciences, Professor.

LVodjasova@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0001-6767-6337